

И ГНЕВ МОИМИ НЕРВАМИ СТАЛ, КРОВЬЮ МОЕЙ И РЕЧЬЮ

Махмуд ДЕРВИШ:

Приехав в начале прошлого года в Бейрут, я услышала удивительно красивые песни — их пели и «звезды» арабской эстрады, и неизвестные уличные певцы. Это были положенные на музыку стихи Махмуда Дервиша. Они стали гордостью не только палестинской — всей арабской культуры, их строки превратились в народные поговорки.

Их автор, большой поэт и блестящий публицист, в первую очередь — человек, борющийся за свободу и независимость родины. Он член Палестинского национального совета, главный редактор литературного журнала «Кармель» — органа Всеобщего союза палестинских писателей и журналистов.

Говорят, когда выступает Дервиш, самый большой зал становится тесным, и нередко приходилось прибегать к помощи «безразмерных» стадионов. На многотысячных митингах и в лагерях палестинских беженцев, на международных форумах и боевых позициях осажденного Бейрута звучал голос поэта.

В 1969 году Дервиш стал лауреатом международной литературной премии «Лотос». Первому среди зарубежных деятелей ему была присуждена в 1981 году Международная премия имени Авиценны, учрежденная советским агентством печати «Новости». А в нынешнем году Дервиш был удостоен международной Ленинской премии «За укрепление мира между народами».

— Я испытываю чувство безграничной радости и признательности за столь высокую оценку палестинской литературы, ибо считаю, что эта награда присуждена не мне лично, а всем тем, кто борется за национальное освобождение нашего народа. — сказал в интервью мне Махмуд Дервиш.

В конце сентября он приезжал в Москву, где ему была вручена почетная награда.

В ПЕРВЫЕ я встретила с поэтом в бейрутской редакции «Кармеля» весной прошлого года. Передо мной был подвижный молодой человек, сдержанный и немногословный. Глядя на него, как-то не верилось, что рядом — знаменитый поэт. За метив это, Дервиш улыбнулся: «Многие почему-то заочно представляют меня таким старым мэтром».

И неудивительно. Ему исполнилось сорок, а его стихи живут собственной жизнью почти четверть века, они облетели весь мир. Дервиш — в числе самых читаемых арабских поэтов. В этом я смогла убедиться сама, когда долго и безуспешно пыталась достать его стихи в книжных магазинах Бейрута. Выручил меня в конце концов сам автор — взял на время два своих сборника в би-

блиотеке Центра палестинских исследований. Какое впечатление произвели они тогда на меня! Потом, уже в Москве, я не раз думала и о судьбе этих двух томов, оставшихся в горящем, разтерзанном Бейруте...

Махмуд Дервиш вошел в большую литературу знаменитой строкой «Запишите, я — араб!» из стихотворения о палестинце, на которого заполняет «карточку изгнанника» израильский чиновник. «За мной так и закрепилось имя «автора стихов о палестинском паспорте», — с улыбкой говорит Дервиш. — Я пишу о простом человеке, крепко привязанном к родной земле, к народу своему».

Его герой — не абстракция, а человек из плоти и крови, в котором живут боль за свою поруганную землю и желание

Мои друзья, побывавшие на одном из выступлений поэта, рассказывали, что зал Арабского университета Бейрута буквально замирал, когда Дервиш читал свою поэму «Доброе утро, Маджид!» — читал в своей обычной сдержанной манере, гораздо менее экспрессивной, чем у других арабских поэтов... Одно из самых сильных его произведений посвящено Маджиду Абу Шарару, входившему в состав руководства ООП и подло убитому израильскими террористами в Риме. Сам Дервиш, тоже тогда находившийся в Италии, лишь по счастливой случайности не оказался в тот вечер в заминированном гостиничном номере Абу Шарара, близкого своего друга. Поэма «Доброе утро, Маджид!» — это памятник революционеру и приговор его убийцам.

«Цепи врезались в кожу очертаниями родины», — пишет Дервиш. Палестина, которую испокон веков сравнивали с благоухающим цветком жасмина, превратилась в кровотокающую рану из тысяч страданий. Поэт видел их в глазах отчаявшихся сирот, в детском белом на веревочках везле убогих лагул. Они в глазах матери, молившей по ночам звезды, чтобы они помогли вернуться домой ее сыну, совсем еще мальчику. И он вернулся, но «вернулся в саване», пишет Дервиш и призывает друзей погибшего к сопротивлению.

Его трагедия — часть палестинской трагедии. В своих стихах Махмуд Дервиш обобщает все то, что выпало на долю народа-изгнанника. Он, сын крестьянина из деревуш-

ки Бирва, что была в Галилее, выстрадал это право.

В 1948 году новоявленные колонизаторы захватили его родную деревеньку и силой оружия выгнали жителей. Спасаясь от террора, ее население вынуждено было погловно бежать в южный Ливан. Вместе с другими крестьянами семья Дервишей долго скиталась. Это время поэт назвал «палаточным детством».

Шестилетний мальчик узнал новые слова — «беженцы», «палатка». Самым сладким стало слово «возвращение». Каждый ребенок о чем-то мечтает; у маленьких палестинцев все мечты свелись к одной — вернуться на родину.

— Тогда я натолкнулся на эти понятия, как на скалу, — вспоминает Дервиш. — С них и начал складываться мой путь поэта.

«Что мы сделали, мама, чтобы умереть дважды — в жизни и смерти?» — спрашивает Махмуд, когда через год его семье в числе немногих палестинских изгнанников все же удалось вернуться на родину. Обломки и развалины, поросшие высокой травой, — вот и все, что осталось от знакомых до слез мест...

Политическое становление юного поэта прошло в Хайфе, куда переехала его семья. Здесь Махмуд стал коммунистом. Первая его профессия — журналистика: во многих арабских странах стали известны его дерзкие выступления в защиту трудящихся, против колонизаторской политики. Это не могло не навлечь на него репрессий сионистов. Но, конечно, главную

опасность для них представляли стихи Дервиша.

— Поэзия отчасти компенсировала потери и утраты, давала мне чувство свободы, которой не было в жизни. За это надо было расплачиваться, — с горькой усмешкой говорит поэт, испытывавший на себе бесчеловечность сионистской экспансии. По несколько месяцев в году израильские власти держали его в застенках, а после июньской агрессии 1967 года против арабских государств Дервиш почти беспрерывно был под домашним арестом.

— Мои стихи были диалогом поэта с тюрьмой, — говорит Дервиш. — Заключенному в собственном доме, мне иногда начинало казаться, что и у стихов моих та же участь. Но сегодня, когда я слышу песни на слова из «Палестинского возлюбленного» — поэмы, написанной мной в тюрьме на коробках от сигарет, — я понимаю, что стихи были свободны. Подлиннее же заключенные — те, кто бросил меня и моих товарищей за решетку.

Я скорби присягу принес и шагнул
Бездомной жизни навстречу.
И гнев моими нервами стал,
Кровью моей и речью.

Махмуду Дервишу пришлось во второй раз покинуть родину.

Несколько лет его «палаткой» был Бейрут, где жили многие палестинские писатели, художники. Вспоминаю последнюю в Ливане встречу с поэтом — недели за три до израильского вторжения.

...Его небольшие, близору-

кие глаза, казалось, не смотрели, а просматривали тебя насквозь. И в то же время они давали собеседнику возможность разглядеть самого поэта, увидеть искру в нем особую за неброской, «прозаической» наружностью. Этот сильный волевой человек при всей своей внешней сдержанности был нравом очень беспокойного. Чувствовалась в нем какая-то «неустроенность», причина которой, думаю, все в той же «палаточной» жизни...

— Махмуд, как создаются стихи? — спросила я тогда. — И что такое вдохновение? — Он усмехнулся, потом посмотрел строго:

— Стихи рождаются от потрясений, которые мы испытываем в жизни. Но нужно быть готовым принять поэзию, когда она себя нам предлагает...

Вдохновение — это миф, однако бывает минута, когда приходит жажда писать. Ради нее поэт должен проводить долгие часы за письменным столом, будучи предельно собранным, иначе она не придет. Ты отдаешь стихотворению всего себя, а оно, подобно любимой, все отдает тебе, — негромко говорил Дервиш.

— Обычно я с утра, если обстановка позволяет, усаживаюсь за стол. Когда во мне начинает нарастать это желание взяться за перо, я испытываю почти физическую муку, чувствую себя больным. И тогда я пишу — это единственный способ избавиться от «болезни»...

Дервиш рассказывал о своей работе над поэмой «Бей-

рут», только что опубликованной, но о которой я уже слышала массу восторженных слов от многих. «Хотел построить этот город — с его тревогами, противоречиями и надеждами — в поэзии», — говорил он. А потом читал отрывки из поэмы. Меня тогда поразила ее тревога. Глаза войны проглядывали в каждой строчке.

Да, Бейрут жил под прицелом снаряда — израильского снаряда, сделанного в США.

— Что ты видишь на горизонте?
— Другой горизонт.
— Неужели это опять фронт?

Это был фронт самой длительной и ожесточенной войны, развязанной сионистами. 13 июня началась осада Западного Бейрута. Все десять ее недель в рядах защитников города были поэты Махмуд Дервиш и Муни Бсису, написавшие из блокадного ада «Письмо израильскому солдату».

Подлинно гуманистическим произведением, далеким от слепой ненависти и расовых распрей, трагической песней, пронизанной жаждой мира и справедливости, назвал ее поэт Е. Долматовский.

Я РАССКАЗЫВАЮ Дервишу, какое впечатление произвели стихи у нас. Мы сидим с ним в самом центре осенней Москвы, по которой прыгают тысячи солнечных зайчиков. Щурясь от солнца, Махмуд смотрит на два длинных подсолнуха под окном, заботливо, видимо, от ветра перевязанных бинтом...

— Больше всего меня поразило, — вспоминает он, —

героизм простых людей, героизм во всем. Или вот такое: дом разбомбили, все люди погибли, живы только две птички, так и оставшиеся сидеть в своей клетке... Существование на грани жизни и смерти давало все новые свидетельства силы жизни. Подумать только: оснащенная самым современным американским оружием армия в течение нескольких месяцев вела отчаянные бои с арабскими патриотами, но и в этом неравном поединке не смогла поколебать их духа. Важнейший вывод, который я сделал, — это победа человеческого духа над машиной убийств. Борьба продолжается и сегодня, но победитель до сих пор не потерпел поражения.

— Я постоянно слежу за израильской литературой, в том числе политической, — говорит Дервиш. — В самом Израиле все больше людей понимают, что они — настоящие террористы. Разве убийство с помощью американской техники — не терроризм? Глубокий след оставила эта техника на арабской земле. Все больше в Израиле проявлений политического и нравственных недугов. Растут отчаяние, неуверенность среди израильских солдат в Ливане...

— Во всех сражениях за свободу в истории человечества главное место занимали воля, глубокая вера в свою благородную цель, — подчеркивает Дервиш. — Мы, палестинцы, черпаем силу в нашей вере в победу. Мы черпаем силу в поддержке на-

ших друзей, в авангарде которых идет СССР. Исторический опыт учит, что родина Великого Октября была и остается надежным оплотом всех сил прогресса, национального освобождения и демократии в мире. Это хорошо знают палестинцы.

Спрашиваю Дервиша о судьбе Центра палестинских исследований (поэт в течение нескольких лет возглавлял его). Известно, что в прошлом году израильские штурмовики после кровавой расправы над его сотрудниками разграбили это хранилище бесценных памятников палестинской культуры. Твердя об отсутствии этой культуры, они в течение трех дней нагружали грузовики редчайшими рукописями, документами и вывозили их в Израиль, прекрасно понимая их ценность. (Прихватили заодно и оборудование, всю технику). Но и после погрома, едва оправившись, Центр продолжал работать. И тогда — это было прошлой зимой — его взорвали.

— Израиль в первую очередь нанес удар по собственному престижу, — говорит Махмуд Дервиш. — Можно уничтожить здание, убить человека, но его дух, мысль — никогда! Своим варварством сионисты еще раз продемонстрировали, кто является разрушителем. Конечно, потери наши велики, но многое можно восстановить и уже восстановлено. А главное — жива творческая энергия палестинского народа! Продолжают свою работу наши писатели и худож-

ники — во многих странах устраиваются их выставки и поэтические вечера. Вокруг «Кармеля» (он издается на Кипре) теснее сплавляются прогрессивные арабские литераторы.

— Сражение на культурном фронте, — подчеркивает Дервиш, — приобретает все большее значение в нынешней обострившейся международной обстановке. «Американское безумие» — так называет он агрессивный милитаристский курс рейгановской администрации. США, считает Дервиш, несут ответственность за продолжающуюся кровопролитную войну в Ливане, за одно из самых чудовищных преступлений в истории человечества — резню в Сабре и Шатиле.

— После физического убийства наших детей, женщин и стариков произошло еще одно убийство — моральное — со стороны западных средств массовой информации, — заметно волнуясь, говорит поэт. — Они устроили заговор молчания вокруг этого зверства, отвлекая внимание читателей на другие темы, чтобы скрыть истину: кто же убийца, а кто — жертва.

— Человечество стоит сегодня перед угрозой всемирной катастрофы, потому что американцы играют с атомными бомбами, как с футбольными мячами, — продолжает Дервиш. — Опасность сейчас грозит всему миру в целом, в том числе и тем, кто хочет остаться в стороне от битвы. За мир надо бороться, не жа-

лея сил, разоблачая всю опасность американского военного безумия. Гуманистической, конструктивной позиции важнейшем вопросе современности, — подчеркнул Дервиш, — придерживается СССР.

Палестинский поэт с удовольствием вставляет в разговор русские слова — он не раз бывал в нашей стране. С большим уважением говорит он о советской литературе и ее роли в мировом революционном процессе, о наших писателях, отдающих много сил делу борьбы за мир. Одним из своих «отцов» в литературе поэт бо-рейшей Палестины считает Маяковского.

Он сильно изменился за последний год. Разве что глаза за стеклами очков те же — острые, изучающие. Смотрю на своего собеседника и думаю: недаром люди говорят «год — как жизнь»...

«Палестина для нас — не утраченный рай, не воспоминание, — говорит поэт. — Это само наше существование, не прошлое, а будущее!»

Придет время, и вместо холодных, как сама чужбина слов придут другие, от которых повеет теплом отчего дома. Придут, потому что жизнь побеждает смерть. И жасмин — символ Палестины — будет цвести на ее свободной земле. Ради этих зеленых листьев в глазах детей и призывает бороться Махмуд Дервиш. Призывает стихами, своей жизнью.

Т. ОКУЛОВА.
БЕЙРУТ — МОСКВА.

Фото В. Рунова.